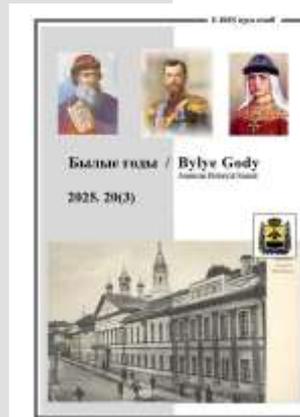

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1105-1116
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1105

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Bashkir Uprising of 1735–1740. Through the Prism of Bashkir-Kazakh Relations

Rafil R. Asilguzhin ^{a, *}, Irek F. Amantaev ^b, Zhaxylyk M. Sabitov ^c

^a Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Russian Federation

^c Kh. Dosmukhamedov Atyrau University, Atyrau, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines Bashkir-Kazakh relations in the 1730s–1740s against the background of several interrelated events.

The extensive construction of defensive lines and fortresses along the eastern and southern borders of the Bashkir territory, which complemented the Old (mid-17th century) and New (early 1730s) Transamian fortified lines previously erected in the west, became a key factor leading to one of the largest and bloodiest armed conflicts of the 18th century - the Bashkir Uprising of 1737–1742, also known as the Russian-Bashkir War (the Karasakala movement). The Bashkir nobility clearly realized that the successful implementation of the tasks assigned to the Orenburg expedition would mean a dense ring of military fortifications around Bashkiria, the transformation of the region into an internal province of the Russian Empire and a serious restriction of traditional ties with the Kazakhs and other neighboring peoples. For the Bashkirs, the situation was also aggravated by the systemic colonization policy of the authorities, carried out in the run-up to the uprising. Among the most significant government measures were: the mass resettlement of non-indigenous people to the region, especially after the decree of February 11, 1736, which allowed the alienation of Bashkir patrimonial lands in favor of Russian nobles, industrialists, officers, knights and other “foreigners”; a sharp increase in the tax burden and duties; as well as economic restrictions, including interference traditional environmental management, in particular the right of access to forest resources.

The article also examines contradictory accounts regarding the role of Karasakal in the uprising, analyzes the causes and circumstances of Kazakh involvement in the Bashkir uprising, including the presence of Khan Sameke and Sultan Barak in Bashkortostan in 1737, the Bashkirs contacts with Khan Abulkhair and Sultan Abylai, the migration of some Bashkir groups to Kazakh territories, and the activities of Russian authorities who attempted to use Kazakh allies loyal to the empire to suppress the rebellion.

Special attention is paid to the appeals made by the Bashkir rebels to the Kazakh khans, requesting that a representative of the Jochid dynasty be sent to rule over them. This reflects the continued influence of late-Horde traditions of clan-based self-governance under the nominal leadership of a “khan-pupil”.

The article further explores joint actions taken by Kazakh and Bashkir leaders against imperial forces and Bashkir units loyal to the Russian crown, as well as the motivations behind the decisions of Kazakh khans and Bashkir rebel commanders. These events are analyzed within the broader context of the complex foreign policy dynamics of that era.

Keywords: Bashkir uprisings, Bashkirs, Kazakhs, Orenburg Expedition, Karasakal, Jochid Khans.

* Corresponding author

E-mail addresses: asrafil@yandex.ru (R.R. Asilguzhin), amantajo8@mail.ru (I.F. Amantaev), zh.sabitov@gmail.com (Zh.M. Sabitov)

1. Введение

В течение XVII в. отношения между казахами и башкирами складывались под влиянием калмыков, контролировавших бывшие ногайские кочевья вдоль Эмбы, Яика и Тобола. К началу XVIII в. калмыки покинули эти территории по ряду причин. Внутренними стали междоусобицы между ойратами (например, войны торгоутов и дербетов с хошоутами в 1670-х гг.). Внешней причиной стало переселение калмыков царской властью к Волге и Кубани для борьбы с Крымским ханством и Речью Посполитой, а также усиление давления со стороны Казахского, Хивинского и Бухарского ханств, возглавляемых ханами из рода Джучи.

Источники указывают на участие казахов Среднего и Малого жузов в башкирских восстаниях начала XVIII в.

После организации Оренбургской экспедиции и подавления одного из крупнейших восстаний (1735–1740 гг.), а также строительства крепостей вдоль Яика, в документах Российской империи Заяицкие земли стали называться «степью кочующих киргиз-кайсаков». Башкиры также потеряли доступ к Илецким соляным месторождениям.

На левом берегу Яика начали селиться казахи, подданные хана Младшего жуза Абулхаира, который вскоре вошёл в подданство Российской империи. Это происходило на фоне казахско-ойратской войны, в ходе которой башкиры и казахи начали вытеснять калмыков из среднего и нижнего течения Яика. Главным бенефициаром этой экспансии стали казахи.

Во время восстания башкиры вновь прибегли к традиции приглашения представителей династии Джучи, чтобы формально признать их своими правителями при сохранении самоуправления. В этом контексте стоит рассматривать и политику Абулхаир-хана, чьи интересы могли совпадать с планами башкирских лидеров.

Особое значение имеет фигура Карасакала, в определённый момент провозглашённого башкирским ханом, и его роль на завершающем этапе восстания 1735–1740 гг.

2. Материалы и методы

В основу исследования легли как опубликованные, так и ранее не введённые в научный оборот архивные источники.

Одним из ключевых опубликованных источников стал сборник документов «Материалы по истории Башкирской АССР». Данный сборник был подготовлен под руководством А.П. Чулошникова. Издан он в 1936 г. В первой части данного сборника можно увидеть большой комплекс архивных документов. Они посвящены башкирским восстаниям первой половины XVIII в. Помимо этого, представленные документы освещают вопросы участия каракалпаков, калмыков, казахов и других народов в башкирских восстаниях (МИБ, 1936). Особый интерес представляет также шестой издания том из этой серии, в котором подробно рассматриваются цели и ход Оренбургской экспедиции, события восстания 1737–1740 гг. и роль в них соседних этносов (Материалы..., 2002).

Ценные сведения о казахском участии в башкирских восстаниях, их взаимодействии с царскими властями, а также дипломатические аспекты отношений отражены в сборнике «Казахско-русские отношения» от 1961 г., охватывающем период с конца XVI в. до 1770-х гг. Значимость этого источника заключается в публикации документов из фондов Архива внешней политики России (АВПРИ), многие из которых ранее не издавались.

Представляют интерес материалы фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) (Москва, Российская Федерация). Документы, касающиеся восстания 1737–1740 гг., содержат ценные сведения о взаимодействии башкир с казахами и каракалпаками, судьбах участников, а также происхождении и роли Карасакала. Последний упоминается в источниках с различными атрибутами – как «кубанец нагайского рода» или представитель «Средней киргиз-кайсацкой Орды в Найман-Гирейском роде» и т.д. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 134, 136, 138, 142, 143, 145, 146, 147, 152; Оп. 17. Д. 1131, 1133, 1164, 1183, 1191).

Дополнительные сведения получены из фондов Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра РАН (НА УФИЦ РАН) (Уфа, Российская Федерация), а также Государственного архива Свердловской области (ГАСО). В последнем особый интерес представляют материалы Фонда № 24 «Уральское горное управление», содержащие законодательные акты, «расспросные речи», доношения, промемории и отчёты, иллюстрирующие ситуацию на границе в годы восстания. Примечателен документ от 13 марта 1739 г., в котором полковник Татищев указывал на нападения казахов на башкирские селения: «киргиз-кайсаки и казачья орда паки веде злое намерение: обратились и некоторые башкирские деревни разорили и в полон взяли» (ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 818. Л. 105). В том же фонде содержится протокол допроса пленённой башкирки Кисьякбики, сообщившей, что «верноподданные башкирцы» сами совершили набег на казахскую Орду, убив около 40 человек и захватив около 30 пленников и множество лошадей (ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 764. Л. 779-779об.).

Здесь стоит выделить разные виды документов. Например, такой вид, как «доношение» (к примеру, «Доношение башкир Сибирской дороги Салжаутской волости в Екатеринбург действительному статскому советнику Василию Никитичу Татищеву»). Также можно отметить такой

вид документов, как «промемория» (к примеру, «Промемория из Окуневской канцелярии управительского правления в Крутихинскую земскую кантору»).

Отдельно стоит выделить такой документ, как «Секретное письмо майора Л.Д. Угримова капитану К. Брандту об угрозе союза башкир с казахским ханом Бараком» от 11 мая 1738 г.

Не менее интересным является следующий вид документов: «Определение». Например, «Определение Канцелярии Главного правления заводов о мерах по защите границ заводского ведомства» от 26 июня 1739 г. или «Определение Канцелярии Главного правления заводов о мерах по обороне границ заводского ведомства в связи с восстанием Карасакала» от 19 июня 1740 г. (ГАСО. Ф. 24. Уральское горное управление. Оп. 1. Д. 719. Дело о командировании воинской команды подполковника Немцова на заводы; Д. 764. Дело о башкирской шатости; Д. 818. Дело о башкирской шатости; Д. 859. Дело о башкирской комиссии).

Далее, нами были использованы архивные документы из фондов Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) (Оренбург, Российская Федерация). Здесь стоит отметить такие фонды, как фонд № 2 «Канцелярия Оренбургской комиссии» и № 3 «Оренбургская губернская канцелярия».

В этом фонде главную ценность представляют указы императрицы, законы и законодательные акты, «рапорты уполномоченных лиц» (например, рапорты В.А. Урусова и Л.Я. Соимонова).

Среди указов стоит отметить указ от 27 октября 1739 г. Он был адресован генерал-лейтенанту В.А. Урусову и предписывал ему «иметь от кайсаков крепкую предосторожность и охранение, и не допускать верноподданных ея императорского величества башкирцов до разорения» (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7).

Не менее важным указом был указ от 22 мая 1740 г., в котором Карасакал именовался «турецким лазутчиком», который проник в Башкирию «для проводывания в каком состоянии башкирцы от российских войск находятся». В документе также приводятся различные версии его происхождения: «якобы он турчанин» либо «кубанец нагайского рода, по имени Салтан-Гирей, прозванием Карасакал». В тексте указа подробно описываются предполагаемые военные планы Карасакала: по слухам, он собрал «восьмитысячное кубанское войско, две тысячи калмыков, пятьсот кайсаков», объединился с Джанбек-батыром и каракалпаками и готовится к наступлению на Башкирию, чтобы «сообща с башкирцами разорять российские жилища» (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7, 8, 9).

Материалы, лёгшие в основу исследования, в основном представляют собой нарративные источники из российских архивов, что требует внимательного анализа с позиции внешней и внутренней критики, в том числе с учётом междисциплинарного подхода. Интерпретация событий осуществляется на основе принципа историзма, стремления к объективности, а также с использованием компаративного анализа, позволяющего проследить аналогии и различия в механизмах колониального продвижения империи.

В контексте изучения башкирско-казахских взаимодействий особую ценность представляет анализ стратегий имперского освоения регионов. К таковым относятся разведывательно-дипломатические миссии, деятельность православных миссионеров и монастырей, торгово-экономическое проникновение, строительство укрепленных линий вдоль ключевых транспортных и водных путей, организация горнозаводских округов и массовое крестьянское переселение. В совокупности эти меры демонстрируют системный характер политики Российской империи в регионе, а их отражение в казахско-башкирских отношениях позволяет более точно реконструировать картину событий 1735–1740 гг.

Особенности данного восстания также становятся более отчётливыми в сравнении с предыдущими и последующими антиколониальными движениями башкир XVII–XVIII вв., выявляя динамику и трансформацию протестных форм, а также изменяющееся положение союзников казахов в региональном политическом контексте.

3. Обсуждение

Историографию темы можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный. В дореволюционной историографии слабо отражена проблема участия казахов в башкирских восстаниях. Относительно восстания 1735–1740 гг. в работах П.И. Рычкова (Рычков, 1896), Р.Г. Игнатьева (Игнатьев, 1922), А.И. Добросмыслова (Добросмыслов, 1900), В.Н. Витевского (Витевский 1897), А.М. Позднеева (Позднеев, 1991) в основном затрагиваются темы деятельности администрации в крае и карательные акции правительственных войск против восставших башкир. Исследования башкирских авторов М. Хадыева (Хадыев, 2007) и А.-З. Валиди (Тоган, 2010) посвящены некоторым ранее неисследованным вопросам.

События этого башкирского восстания, включая роль хана Абулхаира, нашли своё отражение в работах российских историков и чиновников. Так, П. Рычков дал сведения о том, что киргиз-кайсацкий Абулхаир-хан, прибыв в восставшую Башкирию, высказывая намерение «одного из своих детей в Башкирии ханом учинить обнадеживая башкирский народ», уверял Правительство в том, что только ему таким образом удастся: «онный народ от их замешания удержать и успокоить» (Рычков, 1896: 32). Историк А. Левшин однозначно трактовал поведение указанного хана как обман башкир (Левшин, 1832: 130).

Одним из первых исследователей, обративших внимание на участие казахов в башкирском восстании 1735–1740 гг., был известный историк-этнограф Р.Г. Игнатъев. В своей работе он выдвинул гипотезу, что хан Абулхаир сознательно направил Карасакала в Башкирию с целью создания антиимперского союза, поддержав его материально и организационно. Игнатъев писал: «Хан Абулхаир настроил Карасакала искать ханства у башкир и дал ему тайно все способы явиться в Башкирию... Казахи не менее башкир, если не более, опасались постройки Оренбурга и русских крепостей по границам их земель и потому всячески старались внушать башкирам, чтобы они этого не допустили». Р.Г. Игнатъев на основании документов выдвигает тезис о том, что Карасакал превратился в орудие казахской политики, а его действия могли быть связаны с «делом Юнгории» – более широкой геополитической игрой (Игнатъев, 1922: 38-66).

Одним из значимых вопросов в изучении событий восстания 1735–1740 гг. является феномен Карасакала – фигуры, ставшей ключевым символом вооружённого протеста, а также характер его связей с казахскими чингизидами и их ордами.

В.Н. Витевский, казанский историк, в своём труде указывает, что география участия Карасакала в восстании локализована на территориях, примыкающих к землям киргиз-кайсаков (т.е. казахов). По его словам, Карасакал «принял начальство над мятежными шайками башкир», а его пребывание среди казахов оставило длительную память в народной традиции как башкир, так и соседних народов (Витевский, 1890: 181-183).

Существенно иной подход демонстрирует востоковед и монголовед А.М. Позднеев, который отвергает джунгарское происхождение Карасакала, указывая на его принадлежность к исламу («к религии Магомета»). Предположение о его башкирском происхождении он отвергает на том основании, что в этом случае «с ним едва ли стали бы дружить киргизы». Более того, автор полагает, что Карасакал мог быть вымышленной фигурой, созданной для дезинформации киргиз-кайсаков, и использованной в политической игре в 1735–1741 гг. (Позднеев, 1991: 434-435).

Башкирский историк начала XX в. М. Хадыев тоже занимался темой описания жизни Карасакала и обратил внимание на то, что Карасакал не уходил далеко от казахской границы, вёл войну с русскими вдоль неё, видимо, заранее обдумывая своё бегство в случае поражения. Хадыев считал, что причины неудачных попыток властей поймать «неуемного» хана связаны с тем, что Карасакал вошёл в полное доверие казахов. Негативное отношение историка к Карасакалу можно проиллюстрировать следующими строками: «Этот бессовестный человек, объявив себя Султан-Гиреем, беззаботно ходил по гостям среди казахов и, не довольствуясь тем злом, которое принес башкирам, погубил множество казахов» (Хадыев, 2007: 28–34).

Есть мнение о том, что возглавивший восстание 1737–1740 гг. в его заключительной фазе – Карасакал был потомком сибирского хана Кучума (Таймасов, 2004: 285).

О происхождении Карасакала есть сведения и в работах востоковеда А.-З. Валиди, считавшего его не башкиром, а одним из представителей каракалпакской знати, как пишет историк, – «принцев каракалпакских племен», которого изначально звали как Байбулат (или Бейбулат): «Сын Хасан-султана и внук Давлет-Гирея. Его брат, Ишим-султан, был каракалпакским ханом». Первоначально Карасакал, по мнению А.-З. Валиди, прибыл к башкирам Сибирской дороги, позже перебрался к башкирам Ногайской дороги, взял имя Минлегул, но в итоге вернулся на Сибирскую дорогу. Там, заручившись поддержкой казахских ханов Среднего Жуза, он начал готовить антироссийское восстание (Тоган, 2010: 142–143, 146). В первом томе сборника Материалов по истории БАССР также имеются документы, указывающие на происхождение Карасакала «ис природы каракалпакских ханов» (МИБ, 1936: 491). Однако упоминаются и свидетельства о том, что Карасакал является «владельцем «зюнгорских калмык», «контайшиным сыном Суной» (МИБ, 1936: 478), а также что Карасакал «владения бывшего контожи хана черных калмык сын именем Сона, ... а брат его в тех черных калмыках ныне имеется главным ханом» (МИБ, 1936: 491). Также известно, что под прозвищем Карасакал скрывался Бай-булат ибн Хасан, как чингизид из династии шибанидов-кучумовичей (МИБ, 1936: 491-492). Указанные материалы объясняют и его притязания на власть, и его признание башкирами и принятие среди казахов. Как известно, его отец Хасан долгое время с сыновьями пребывал в аманатах среди ойрат-калмыков, где Байбулат рос вместе с Шоно Лоузаном, знание о котором он использовал позднее, выдавая себя за ойратского тайшу, противника джунгарского хунтайджи Галдан-Церена.

В постсоветский период, пожалуй, наиболее заметной работой, где были подробно рассмотрены причины и ход башкирского восстания (Башкирско-русской войны) 1737–1740 гг., стала книга американского историка А. С. Доннели «Завоевание Башкирии Россией». В этой книге автором также подробно рассмотрены русско-казахские и башкиро-казахские взаимоотношения, проведение Оренбургской экспедиции 1734–1735 гг. и в целом юго-восточная политика России в исследуемый период (Доннели, 1995). Для понимания идеологических установок башкирских повстанцев, проявившихся, в частности, в связях между башкирами и казахскими чингизидами, помогают сведения, содержащиеся в работах историков Башкортостана (Таймасов, 2004; Азнабаев, 2016) и Казахстана (Сулейманов, 2013).

4. Результаты

Массовому выступлению башкир за свои права и самому кровопролитному восстанию, пришедшему на 30-е гг. XVIII в., предшествовал целый комплекс причин. Наиболее важной стало строительство укрепленных линий и крепостей вдоль восточной и южной границы расселения башкир в дополнение к ранее уже обустроенной на западной окраине башкирских земель Старой (построенной ещё в середине XVII в.) и Новой (начало 30-х гг. XVIII в.) Закамских укрепленных линий и опорных пунктов. Задачей Оренбургской экспедиции стало строительство большого количества военных крепостей и линий, окончательно окружавших башкир и преграждавших их беспрепятственные взаимоотношения с южными соседями. Именно последнее стало основной причиной башкирского восстания 1737–1740 гг., о чём сами башкиры писали в челобитной на имя начальника Комиссии башкирских дел генерал-лейтенанта А.И. Румянцева. Башкиры были недовольны прежде всего начавшимся строительством городов, крепостей и церквей в крае, просили правительство отозвать Оренбургскую экспедицию. Челобитчики-башкиры жаловались на жестокости и произвол командиров Экспедиции, в особенности на А.И. Тевкелева. Челобитную подписали 38 представителей 27 волостей Казанской, Ногайской и Сибирской дорог (ИБН, 2011: 199). Историк П. Рычков в одной из своих работ упоминает поставленные «императором Петром Великим» цели строительства Оренбургской линии – «путь во всю полуденную Азию отворить, а своевольный башкирский народ на вечное время обуздать» (Рычков, 1896: 5) и что могло быть осуществлено лишь после окончания войны со Швецией.

Власти всерьёз опасались связей башкирских восставших с соседними народами и государствами, задавались вопросами о том, не вызван ли бунт заговором внешних сил? Так, среди вопросов, которые задавались в процессе получения «допросных и пыточных речей» у попавших в плен башкир Шигирской волости Сибирской дороги Башира Кулышева и Едигара Апакаева, были и такие: «Кто с вами в согласии посторонние, яко кубанские и крымские татары или Казачья Орда и каракалпаки?» или «Какое у вас намерение к окончанию, не хотите ль совсем отложить от российской власти и каким порядком», документ датирован 7 февраля 1736 г. (Материалы..., 2002: 125-127). Опираясь на этот документ, авторы 7-томной «Истории башкирского народа» приходят к выводу о том, что в начальный период (лето 1735 – лето 1736 гг.) случаев участия казахов в восстании не прослеживается.

Однако документ – «Донесение полковника И.С. Арсеньева В.Н. Татищеву» от 25 июля 1736 г., доказывает обратное: «...пойманные воры башкирцы с розысков в роспросах своих показывали, что прошедшей весны на русские жилища итти войною намерение имели, которые и воевали; а вор Юсуп в своих юртах стоит с силою своею в 8000-х, и у него имеетца 20 пушек. И в Казачью орду к Абулмамбетю для замирения между собою посылали ... и оные посланные возвратились и с ними приехал Киргиз-Казачьей орды ... Из Казачьей орды обещались приехать в башкир для замирения старшин человек с 60, чрез месяц и большее...» (МИБ, 1936: 226).

Большое количество документов подтверждает участие казахов Среднего и Младшего жузов в последующие годы восстания – в период 1737–1740 гг. Так, в марте 1737 г. во время съезда представителей Ногайской и Казанской дорог было принято решение возобновить ослабленное восстание, но также и направить к казахам Среднего жуза переговорщиков из 12 башкир во главе с Султанмуратом (Устюгов, 1950: 65-66). В этот период к южным соседям решают обратиться и представители башкирских родов Сибирской и Ногайской дорог на курултае, прошедшем в верховьях реки Уфа, на котором пришли к решению отказаться от русского подданства: «...с киргиз-кайсаками сообщитца» (Устюгов, 1950: 66-67). Кроме того, по сведениям историка Н.В. Устюгова, в начале мая 1737 г. в д. Васкино Мурзаларской волости состоялось собрание представителей нескольких волостей Сибирской дороги. Выступивший там представитель Кудейской волости Юлдаш мулла Суярембитов сообщил собравшимся о намерении призвать хана для башкир от казахов Среднего жуза (Устюгов, 1950: 68). Название документа от 2 июля 1737 г. подтверждает описанные выше тезисы Н.В. Устюгова и прямо указывает на намерения башкир и казахов: «Письмо башкирского старшины Казанской дороги Аракая Акбашева с товарищами уфимскому воеводе и коменданту С.В. Щемякину о военных приготовлениях восставших башкир с казахами Средней Орды к нападению на русские поселения и на “доброжелательных иноверцев”» (МИБ, 1936: 313).

На основе имеющихся источников обобщим причины, подтолкнувшие башкир обратиться за помощью к казахам: во-первых, повстанцы нуждались в военной поддержке; во-вторых, они стремились обеспечить себе на период восстания надёжный тыл; в-третьих, рассчитывали найти у казахов убежище на время карательных операций. «Верные» башкиры сообщали властям, что восставшие башкиры Ногайской дороги отправили своих людей мурзе Шаммухамету в Среднюю Орду казахов: «...чтоб он пришел со своим войском и их, башкирцов, с женами и детьми взяли к себе в орду, а доброжелательных бы башкирцов всех разорить ... ежели к ним киргиз-кайсацкое войско будет, то они намерены еще бунтовать, и с ними итти потом в Кайсацкую орду» (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 45. Л. 963-964). Далее, один служилый мещеряк оповестил командира одного из карательных отрядов полковника И.С. Арсеньева, что ногайские башкиры «ездили в Казачью Орду к Еныбек батырю хана себе искать и просили его, чтоб он дал им на помощь силы, а он де обещал им

дать 40 есаулов с людьми... Еныбек батыр сказал, ежели они, башкирцы, хотят вместе с ним контайшу рубить, то и он с ними вместе пойдет на русских» (ИБН, 2011: 219). Побывавший у казахов геодезист Иван Шишков писал, что в марте и в мае 1737 г. в Среднюю Орду во владения Абулмамбет-султана приезжали группы башкир, которые просили помощи «чтоб дал им войска итти в Оренбург и другие города разорить...» (ИБН, 2011: 219). Очевидно, у султанов Среднего жуза были и собственные побудительные причины для вмешательства.

Ими выставлялись различные условия для башкир: одни требовали от них, а другие хотели навязать башкирам в качестве султанов своих родственников, которые правили бы башкирами в том же статусе, что и казахские роды под властью хана.

Однако выставляемые условия оказания помощи правителями Среднего жуза (в числе среди основных условий было требование о переходе с семьями жить в их владения и признание неограниченной власти назначенных казахских правителей) для башкир были неприемлемы. Выставляемые казахской стороной рамки сотрудничества явно противоречили традициям договорного подданства башкир, с личной унией исключительно монарху, опосредованной свободой самоуправления и подсудности хана биям. Такие условия практиковались башкирами и в домонгольское время, и в Улусе Джучи, особенно в период Ногайской Орды, где статус ханов-воспитанников при ногайских и башкирских аталыках-беклербеках существенно отличался от статуса хана – реального правителя в казахских жузах. То обстоятельство, что башкирские повстанцы своё обращение за помощью к казахским ханам сопровождали просьбой дать им юного отпрыска джучида в качестве хана, ничуть не умаляет того обстоятельства, что в этих просьбах они следовали позднеордынским практикам самоуправления родов под номинальной эгидой хана-воспитанника. Заки Валиди Тоган объясняет договорное подданство приглашённому монарху условиями тюркомусульманского института «икта» (Тоган, 2010: 56-57). По содержанию правоотношений он аналогичен тюрко-монгольскому институту «союргал», но с той разницей, что в Ногайской Орде ханы были подсудны сеидам, и в случае нарушения ханом договорных условий, служилые подданные имели законное право на откочёвку. Сквозь призму этих представлений башкиры рассматривали как чингизидов (хивинских, казахских), так и Романовых. Когда повстанцы южных волостей Ногайской дороги обратились к казахскому Абулмамбету-султану во второй раз, они просили дать «им в ханы брата его Аблая салтана» (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 45. Л. 1112-1114; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 735). Как отмечалось выше, условия казахов вызвали у большинства повстанцев неприятие. Они не намеревались переходить под неограниченную власть Абулмамбета-султана или Шаммухамета-мурзы, особенно после того, когда стало известно, как поступала часть казахской знати с башкирами, пытавшимися найти у них убежище. Когда 50 семей Гирей-Кыпсакской волости Ногайской дороги бежали для укрытия к казахам, то их «ограбили и разобрали по рукам Шемамет и другие главные кайсаки» (ИБН, 2011: 219). Жестокому обращению подверглись и 76 семей из Суун-Кыпчакской волости той же дороги. Башкиры начали понимать, что их обманывают и такое отношение не могло не вызвать попыток отмщения. А.С. Доннели в своей работе упоминает случай, когда некоторые башкирские старшины обратились к Татищеву (он руководил войсками в Зауральской Башкирии) с просьбой записать их в казаки и с целью отмщения «казахам Средней Орды, совершавшим на них набеги ... » (Доннели, 1995: 153).

Русские власти, в свою очередь, разжигали враждебное отношение казахов к башкирским повстанцам. В этом им усердно помогал упомянутый выше Абулхаир-хан – правивший в тот период в Младшем жузе. За выдачу башкирских послов власти империи обещали казахам вознаграждение по 200–300 рублей за каждого из них. Абулмамбет-султан и Шаммухамет-мурза отказались поддержать восставших. 24 июня 1737 г. они встретились с Абулхаиром и предложили повстанцам прекратить восстание, принести властям повинную. Указанный Абулхаир-хан, искавший союза с Россией и ее защиты (вплоть до признания её протектората над подвластными ему родами), «претерпевал великия разорения и обиды» и от «зюнгорских калмыкъ», и «от смежнаго им башкирскаго народа ... ибо башкирцы на ихъ киргизские улусы непрестанные чинили набеги и многия тысячи лошадей у них угоняли...» (Рычков, 1896: 5). Очевидно, что заявление Абулхаир-хана о том, что только он сможет удержать башкир от антиправительственных выступлений, выглядит надуманным, вероятно, и сам Абулхаир понимал, что башкиры воспринимали его персону лишь как одного из акторов, некоторые возможности которого принимали в расчёт лидеры башкирского восстания того периода, в частности потомственный тархан, батыр и старшина Бурзянской волости Алдар Исякаев.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что многие казахские правители родов были заинтересованы в бесперебойной торговле с русскими купцами на рынках Оренбурга и других крепостей, в приобретении российских промышленных изделий и сбыте скота. Статус Абулхаира как вассала Анны Иоанновны обеспечивал товарообмен, и российская сторона активно использовала экономическую заинтересованность таких глав казахских родов, как Букенбай из рода табын, Шакшак Жанибек из аргынов, на которых опирался Абулхаир в политических интересах. В этой связи не случайно правительство Анны Ивановны пошло навстречу предложениям Абулхаира, отправившего в 1730 г. в Уфу посольство с просьбой принять Малый жуз в российское подданство с целью «создать плацдарм для завоевания в Средней Азии, а также предотвратить возможность союза

казахов с башкирами, боровшимися в это время за свою независимость» (*История Узбекистана..., 1947: 209*). По призыву правительства в июле–августе 1737 г. казахские ханы и султаны, вторгшись в пределы южных волостей Ногайской и Сибирской дорог Башкирии, расправлялись с восставшими. Тем не менее, другие казахи сочувствовали башкирам и приходили им на помощь. Известно, что около 700 казахов летом 1737 г. участвовали в восстании. Они совместно с башкирами действовали в районе р. Дёма (*ИБН, 2011: 220*).

В условиях, когда во второй половине 1737 г. башкиры Ногайской дороги планировали начать новое выступление, вмешательство казахов во главе с Абулхаиром сильно его затормозило. Указанный правитель Малого жуза посылал на территорию Ногайской дороги Башкирии вооружённые отряды с требованием к башкирским повстанцам о принесении повинной. Это стало одной из причин того, почему, имея возможность начать выступление зимой, башкиры бездействовали. Власти успели собраться с силами – внезапность нападения была упущена. Кроме того, доверившись Абулхаиру, отдельные предводители восставших попали в руки карателей. Например, один из активнейших деятелей восстания в Ногайской дороге Кусяп-батыр Султангулов из рода тангаур, сопровождавший Абулхаира в поездке на юг за его сыном, будущим ханом-воспитанником, отказался вначале войти с ханом в Оренбург (тогда ещё на месте нынешнего г. Орск, иначе Яман-кала). Но хан, следуя настояниям В.Н. Татищева, обещал Кусяп-батыру безопасность, татарский мулла Сеитовой Каргалы Абдрахманов также гарантировал башкирам, поклявшись на Коране. Но сразу за воротами крепости Кусяп-батыр был схвачен и позже казнён. После этого башкиры начали охоту за Абулхаиром, и он не появлялся на правой стороне Яика, иначе как под охраной царских драгун или казаков (*Устюгов, 1950: 107-108, 116*).

Тем не менее, в июле 1738 г. башкиры попытались получить помощь от казахов Среднего жуза. Барак-султан обещал поддержать восставших при условии принятия в качестве хана его сына Шигая-султана. Предводители восстания пытались объединить народ вокруг приехавшего на территорию Сибирской дороги Шигая-султана, однако успеха добиться не удалось (*ИБН, 2011: 221*).

В октябре 1737 г., когда движение на территории Ногайской дороги практически прекратилось, восставшие сделали попытку укрыться от карательных команд в труднодоступных горах и лесах, а некоторые искали спасения у казахов. Сохранилось несколько документов об их отъезде к казахам Среднего жуза. Так, «верный» башкир Бурзянской волости Акбулат Аркаев в письме майору Останкову сообщал, что «...изменники де башкирцы пошли в киргизцы з 300 домов между рек Кизилами за Яик» (*Материалы..., 2002: 475*). В другом письме старшин Бурзянской волости говорится о том, что «...воров башкирцов откочевали в Кайсацкие орды дворов со 100» (*МИБ, 1936: 479-480*).

Сохранились сведения о попытках возобновить восстание и среди зауральских башкир. Так, Мандар Карабаев обратился за помощью к хану Среднего жуза Шемяке, чему свидетельство материалы допроса одного из пленных восставших, которого звали Калмаккул Каракучуков. Он сообщал следующее: «Башкирец Мандар после поимки вора Тюлькучуры послал сына своего Мавлюта с прочими башкирцы 30 человек в Киргиз-Кайсацкую орду... и ежели де означенной Мандаров сына Мавлют из Киргиз-Кайсацкой орды приедет с киргиз-кайсаками, то имеют намерение впредь бунтовать» (*Материалы, 2002: 486*).

Также в его показаниях говорилось о том, что восставшие из Ногайской дороги делали призывы башкирам Сибирской дороги «быть им, всем башкирцам, в одном согласии в подданстве у е. и. в. А ежели ис Киргиз-Кайсацкой орды приедет Шемякхан с людьми, то б соединиться с ними... чтоб вместе воровать» (*МИБ, 1936: 487*). Однако переговоры оказались безрезультатными, поскольку башкиры восприняли это так, что казахские ханы и султаны пытались подчинить их своей воле, навязав султанов без гарантий самоуправления. Предложения казахских ханов были отвергнуты большинством. Попытки наладить связи башкир с казахами в тот период следует рассматривать в контексте договорного подданства (мнение И.Г. Акманова) или «свободного вассалитета», по выражению Н.В. Устюгова, с правом на откочёвку от несправедного монарха, как стремление повстанцев отказаться от не соблюдавшей договорное подданство царицы, с одной стороны, и стремление перейти под власть казахских ханов (*Акманов, 1995: 77-80; Устюгов, 1947: 30-110*), но при сохранении условий договорного подданства и самоуправления, включая право на условия «икта-асаба» (в российской историографии вотчинное право самоуправления и наследуемого землевладения, русское «вотчина» от слова «отцовское, отчее» значит наследуемое).

Башкиры, во время переговоров с казахами, настаивали на безусловном прощении от правительства за участие в восстании, подчёркивая то, что речь идёт не об амнистии за правонарушения, а о восстановлении прежнего законного порядка, нарушенного действиями царских чиновников. Изменение прежнего законного порядка здесь, по их мнению, и было правонарушением, повлёкшим восстание.

Башкиры требовали отмены практики изъятия штрафных лошадей, прекращения принудительной присяги в крепостях, освобождения захваченных в плен лидеров движения и других участников предыдущих этапов восстания, отзыва карательных отрядов и прекращения самоуправления со стороны «верноподданных» башкир. Эти требования были изложены в челобитных,

адресованных В.Н. Татищеву, Л.Я. Соймонову, а также другим представителям царской администрации и командирам правительственных отрядов (ИБН, 2011: 222).

Несколько иные настроения царили среди лидеров восстания в 1739–1740 гг. – в последний период движения, когда среди восставших башкир появился Карасакал – кучумович Байбулат ибн Хасан, поднятый на белой кошме как хан Султан-Гирей. Царским властям башкиры не сообщали подробности его происхождения и статуса, поэтому в царских архивах он больше известен под псевдонимом Миндигул Юлаев из племени Юрматы или Карасакал. Да и сами царские историографы не стремились подчеркнуть его знатное происхождение. Традиция приглашения знатных представителей династий на статус представительного, но не правящего монарха, ограниченного волей местной знати, чтобы возглавить башкиров, была не нова. Достаточно вспомнить оставшиеся в наследство от Крымского ханства позднеордынские государственно-политические практики польских Сеймов, с приглашёнными монархами, в числе которых были король Генрих Валуа, курфюрст Август Саксен-Кобургский, король Швеции Карл XII и многие другие.

Во время весны и лета 1739 г. со стороны казахов Среднего жуза были присланы не раз отряды для поддержки башкир. Видимо, это было связано с тем, что удалось договориться о том, кто будет новым башкирским ханом в ходе обмена делегациями летом 1739 г., когда башкирская делегация во главе с братьями Мандаром и Мавлютой Карабаевыми приехала к казахам. Один из пленённых башкир по имени Тюкуш Кагалыев, после проведения пыток, 20 сентября 1739 г. поведал следующее: «Ногайской дороги Сеитбай киргис касацкой орды з Барак Салтаном в одном согласии чтоб воровать ...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 527).

Видимо, царским властям информация о появлении некоего Карасакала поступила лишь в ноябре 1739 г. Скорее всего, она впервые была получена от пленного башкира Нуруша Кинзекеева. Он в ходе допроса рассказал о том, что у Алланзиангулы Кутлугузина, который был одним из старшин Айлинской волости на Сибирской дороге, жил «шпион турченин». Данный «шпион турченин» попал в Башкортостан «через российские города прямо, знатно де русской язык знает, и шел пешей в черном кафтане» (МИБ, 1936: 646).

В одной из своих работ авторами была подробно рассмотрена история династии Карасакала (Сабитов, 2014: 88–91). Здесь же представим реконструированную нами родословную Карасакала и его ближайших родственников.

Особый интерес представляют многочисленные свидетельства, указывающие на то, как Карасакал, покинув пределы Башкирии, без труда нашёл убежище у казахов и продолжил активную политическую деятельность. Источники подтверждают, что он сначала находился в Большом жузе, а затем переместился в Средний жуз. Так, согласно журналу переговоров генерал-лейтенанта князя В.А. Урусова с представителями казахской знати от 21 августа 1740 г., Букенбай-батыр сообщил, что ему удалось обнаружить Карасакала в Усинской волости Большого жуза, однако выдать его отказались, сказав следующее: «Когда-де привести, то-де и сами привезем, а буде хочешь-де брать насильно, то бери, только ево, Букенбаевой мочи, чтоб насильно взять, не было» (Казахско-русские..., 1961: 134–135).

Аналогичные сведения также зафиксированы в отчёте поручика Д. Гладышева, в котором он описал свою миссию к казахскому хану Абулхайру в мае 1741 г., и где он сообщал, что хан игнорировал официальные требования о поимке Карасакала, а напротив, заключил договорённости с владыками Среднего и Меньшего жузов об отказе в выдаче. Более того, Гладышев установил, что Карасакал находился под покровительством Барак-салтана, с которым осенью 1740 г. совершил поход в земли Зюнгарию против калмыков – «в Зюнгорское владение для разорения калмык» (Казахско-русские..., 1961: 181).

Также здесь стоит отметить следующие факты:

1. Утверждения имперских властей о том, что Карасакал был «турецким шпионом» и (или) «самозванцем», которого раньше не знали ни власти, ни сами башкиры до осени 1739 г.
2. Слухи о том, что к башкирам на помощь идут 82 тысячи войска.
3. Попытки генерала Урусова «объявить Карасакала башкиром».
4. Бегство Карасакала к казахам. Его проживание в Старшем и Среднем жузах казахов.
5. Активное участие Карасакала в политической жизни Казахского ханства
6. Полное нежелание казахов выдать Карасакала имперским властям.

Все эти факты, наряду с другими вышеуказанными фактами, позволяют выдвинуть предположение о том, что фигура Карасакала не была случайной. Напротив, всё указывает на координацию действий между башкирскими повстанцами и казахскими ханами, прежде всего Абулмаметом и Баракком, стремившимися воспрепятствовать продвижению российской военной машины в казахские степи.

Доказательством глубины и организованности взаимодействия служит документ из РГАДА, в котором говорится о совместных нападениях башкиров и казахов: «Приезжали в Тамьянскую, Кубеляцкую, Тлевскую, Кукрак-Табынскую волости киргис кайсаков ханы Аблай да Абулмамет в собрании всего 3000 человек, в том числе воров башкирцов 300 человек. Главным вышеозначенной вор башкирец Нуруш батыр... в тех волостях побили до смерти верных башкирцев мужеска и женска

полу с три ста, в полон взяли 500 человек, отогнали 3000 лошадей» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 261).

Карасакал произвёл на казахскую аристократию весьма положительное впечатление. Ему, несмотря на обещанную российскими властями крупную сумму за его поимку, удаётся получить убежище у казахов. Его покровителями стали Казыбек-бий из рода Аргын и Кабанбай-батыр из рода Найман. Также его поддерживали такие казахские султаны, как Барак и Батыр, бывшие в оппозиции к Абулхаир-хану. Содержание писем хана Абулхаира в Оренбургскую комиссию подтверждает отмеченное; так, в письме от 25 апреля 1742 г., Абулхаир спешит сообщить: «Абулмамет и Барак, Батыр салтаны и Карасакал, четверо советуют единогласно... и отвращают свой народ от Вашего и.в. подданства» (*Казахско-русские...*, 1961: 190).

Очевидно, лидеры башкир и казахов того периода были осведомлены о ходе очередной русско-турецкой войны (1735–1739 гг.), восстаниях на Северном Кавказе, настроениях в калмыцких улусах и прочих внешних обстоятельствах, что и предопределяло их действия.

На последнем этапе восстания казахи Малого жуза под предводительством Абулхаира сыграли немалую роль в деле его подавления. Так, в июне 1740 г. его воины в окрестностях озера Чебаркуль, что в Башкирском Зауралье, совершили набег на отряд Карасакала. В ходе этого инцидента погиб соратник Карасакала - старшина Кара-Табынской волости Аккузя-батыр Кулумбетов, а сам Карасакал, получивший серьёзные ранения, и некоторые другие его сторонники скрылись в улусе Канджагалы Аргынского рода. В июле того же года казахский старшина Букенбай, сделавший доклад Урусову о выполнении задания по поимке Карасакала, не выполнил тем не менее распоряжение о немедленном аресте и сдаче властям знатного пленника. Часть казахов из Среднего жуза продолжала воевать на стороне восставших башкир.

5. Заключение

Возведение крепости и города Оренбург на реке Орь, а впоследствии и целой системы укрепленных линий вдоль южной и юго-восточной окраины расселения башкир со второй трети XVIII в. стало важной составляющей процесса колонизации башкирских территорий, а также частью более масштабного проекта – юго-восточной экспансии Российской империи в направлении Центральной Азии. Эти мероприятия явились катализатором нового восстания башкир, в ряде источников обозначаемого как Русско-башкирская война. Примечательно, что одним из инициаторов строительства Оренбурга выступил хан Младшего жуза Абулхаир, действия которого стали частью начала процесса вхождения казахских племён в вассальную зависимость от России с 1731 г. – события, имевшего ключевое значение для дальнейшего исторического пути казахского народа.

Архивные документы и источники свидетельствуют об активном участии казахов в башкирском восстании 1735–1740 гг. Эти события ознаменовали собой новый этап в развитии этнополитических отношений между башкирами и казахами, продолжавшихся на протяжении всего XVIII и начала XIX в. Восстание поддержали различные казахские формирования с разными мотивациями: некоторые родовые группы Среднего и Старшего жузов оказывали помощь башкирам в противодействии российской экспансии, тогда как отряды Младшего жуза во главе с Абулхаиром выступили на стороне империи.

В результате Оренбургской экспедиции и последующего подавления восстания, земли за рекой Яик (после подавления восстания Е. Пугачёва – р. Урал) получили официальное наименование «степь киргиз-кайсаков», тогда как башкиры утратили контроль над Илецкими соляными промыслами. Казахи стали новыми жителями левобережья Яика, что напрямую связано с их включением в орбиту Российской империи и созданием Оренбургской губернии.

Участие казахской стороны в событиях восстания 1735–1740 гг. не ограничивалось спорадическим взаимодействием, а носило, в некоторой мере, характер сознательной политико-военной координации, направленной на сдерживание экспансии Российской империи в степном регионе. Вместе с тем историк Б.С. Сулейманов обращает внимание на то, что ряд казахских правителей приняли курс на сближение с Россией после стабилизации ситуации в Башкирии. Сами же башкиры предпочли избежать прямых конфликтов с Казахской степью. Символическим проявлением стремления к нормализации отношений можно считать обмен посольствами в 1715 г.: прибытие казахской делегации во главе с бием Тайкомуром в Уфу в сентябре 1715 г. стало ответом на визит башкирского посольства весной того же года к казахским кочевьям, возглавляемого Карт-батыром. Главной задачей переговоров было прекращение взаимных набегов и организация обмена пленными: «...целью башкирского посольства было прекращение дальнейших взаимных нападений и обмен пленниками...».

Несмотря на отдельные эпизоды сотрудничества, полноценный военно-политический союз между башкирами и казахами в ходе восстания не сложился. Одной из причин тому было недоверие башкирской знати к казахским ханам, связанное с опасениями утраты собственного самоуправления. Некоторые башкирские лидеры, временно соглашаясь на союз, скорее руководствовались тактическими соображениями. Отношения между башкирами и казахскими чингизидами в первой половине XVIII в. можно охарактеризовать как договорное подданство или форму «свободного

вассалитета» – с сохранением права на отказ от подчинения несправедливому правителю. Это отражало стремление части повстанцев выйти из-под контроля имперской администрации и временно вступить в союз с казахскими ханами в условиях неблагоприятной военно-политической ситуации 1730-х гг. Для башкирской элиты была важна поддержка со стороны династий чингизидов – будь то кучумовичи, калмыцкие тайши, казахские или крымские ханы.

Международная обстановка, включая русско-османские войны, восстания донских казаков, действия калмыков и другие факторы, также оказала значительное влияние на стратегические расчёты как предводителей башкирского восстания, так и казахских ханов в рассматриваемый период.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана», BR24993173.

Литература

- Азнабаев, 2016** – Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
- Акманов, 1995** – Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII вв. Уфа: Китап, 1993. 224 с.
- Витевский, 1897** – Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: Историческая монография В.Н. Витевского. Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова. Вып. 2. Казань, 1897. 629 с.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Добросмыслов, 1900** – Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. / Оренбург: Типо-лит. Ф. Б. Сачкова, 1900. 104 с.
- Доннелли, 1995** – Доннелли А. С. Завоевание Башкирии Россией, 1552 -1740: Страницы истории империализма: [Пер. с англ.]. [Вступ. статьи Р. Г. Кузеева, И. Г. Акманова]. Б. м.: Междунар. корпорация «Ватан», 1995. 285 с.
- Игнатъев, 1922** – Игнатъев Р.Г. Карасакал, лжехан Башкирии (эпизод из истории Оренбургского края XVIII столетия) // *Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАСССР*. Вып. 2. Стерлитамак, 1922. С. 38-66.
- ИБН** – История башкирского народа. В 7 т. Т. III. Уфа: Гилем, 2011. 475 с.
- ИКРИ** – История Казахстана в Русских Источниках. Т. 2. Алматы, 2005. 448 с.
- История Узбекистана..., 1947** – История народов Узбекистана. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. 424 с.
- Казахско-русские..., 1961** – Казахско-русские отношения в XVI – XVIII вв. Алма-Ата, 1961. 742 с.
- Левшин, 1882** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. II. Исторические известия. СПб.: Въ Типографии Карла Крайла, 1832. 334 с.
- МИБ, 1936** – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л.: Издательство Академии наук ССР, 1936. 631 с.
- Материалы..., 2002** – Материалы по истории Башкортостана / Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т. VI. Уфа: Китап, 2002. 768 с.
- НА УФИЦ РАН** – Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН.
- Позднеев, 1991** – Позднеев А.М. Каракаскал / Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона 1890 г. Т. 27. «Терра», 1991. С. 434-435.
- ПСР** – Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. 432 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Рычков, 1896** – Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Издание Оренбургского Губернского Статистического Комитета. Подъ редакцией и съ примечаниями Н.М. Гутъера секретаря Комитета. Оренбург, 1896. 95 с.
- Сабитов, 2014** – Сабитов Ж.М. Кучумовичи в Восточном Дешт-и Кипчаке в середине XVII – XIX века / *История, экономика, и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции*. Курганский государственный университет, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. Курган, 17-18 апреля 2014. С. 88-91.
- Сулейманов, 2013** – Сулейманов Б.С. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. М.: Книга по требованию, 2013. 248 с.
- Таймасов, 2004** – Таймасов С.У. К вопросу о происхождении Карасакала // *Вестник Академии наук РБ*. 2004. № 4. С. 67-70.
- Тоган, 2010** – Валиди Тоган А.З. История башкир / Перевод с турецк. А. М. Юлдашбаева; авт. вступ. статей А. М. Юлдашбаев, И. Тоган. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
- Устюгов, 1947** – Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // *Исторические записки*. М., 1947. Т. 24. С. 30-110.

Устюгов, 1950 – Устюгов Н.В. Башкирское восстание. 1737–1739 гг. М., 1950. 156 с.

Хадыев, 2007 – Хадыев М. История башкир. Уфа: Китап, 2007. 136 с.

References

Akmanov, 1993 – *Akmanov, I.G.* (1993). Bashkirskie vosstaniya XVII–XVIII vv. [Bashkir uprisings of the XVII–XVIII centuries]. Ufa: Kitap, 224 p. [in Russian]

Aznabaev, 2006 – *Aznabaev, B.A.* (2006). Bashkirskoe obshchestvo v XVII – pervoi treti XVII v.: monografiya [Bashkir society in the XVII – the first third of the XVII century]. Ufa: RIC BashGU, 370 p. [in Russian]

Dobromyslov, 1902 – *Dobromyslov, A.I.* (1902). Turgayskaya oblast. Istoricheskiy ocherk [Turgai region. Historical essay]. Orenburg: Tipo-lit. F. B. Sachkova, 104 p. [in Russian]

Donnelly, 1995 – *Donnelly, A.S.* (1995). Zavoevanie Bashkirii Rossiej, 1552–1740: Stranicy istorii imperializm [The conquest of Bashkiria by Russia, 1552–1740: Pages of the history of imperialism] [Per. s angl.]. Vstup. stat'i R. G. Kuzeeva, I. G. Akmanova]. B. m.: Mezhdunar. korporaciya «Vatan», 285 p. [in Russian]

GASO – Gosudarstvennyi arhiv Sverdlovskoi oblasti [The State Archive of the Sverdlovsk region].

GAOO – Gosudarstvennyi arhiv Orenburgskoi oblasti [The State Archive of the Orenburg region].

Hadiyev, 2007 – *Hadiyev, M.* (2007). Istoriya Bashkir [The history of bashkir]. Ufa: Kitap, 136 p. [in Russian]

IBN – Istoriya bashkirskogo naroda [The history of Bashkir people] V 7 t. T. III. 475 p. [in Russian]

Ignatiev, 1922 – *Ignatiev, R.G.* (1922). Karasakal, Izhekhan Bashkirii (epizod iz istorii Orenburgskogo kraja XVIII stoletiya [Karasakal, the false khan of Bashkiria (an episode from the history of the Orenburg Region of the XVIII century)]. *Trudy nauchnogo obshchestva po izucheniyu bta, istorii i kul'tury bashkir pri Narkomprose BASSR*. Vyp. 2. Sterlitamak. Pp. 38-66. [in Russian]

IKRI – Istoriya Kazahstana v Russkikh Istochnikah [The history of Kazakhstan in russian sources]. T. 2. Almaty. 2005. 448 p. [in Russian]

Istoriya Uzbekistana..., 1947 – Istoriya narodov Uzbekistana. Ot obrazovaniya gosudarstva Shejbanidov do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoi revolyuciyi [The history of the peoples of Uzbekistan. From the formation of the Sheibanid state to the Great October Socialist Revolution]. T. 2. Izd-vo AN UzSSR, Tashkent, 1947. 424 p. [in Russian]

Kazahsko-russkie..., 1961 – Kazahsko-russkie otnosheniya v XVI – XVIII vv. [Kazakh-Russian relations in the XVI – XVIII centuries]. Alma Ata, 1961. 742 p. [in Russian]

Levshin, 1832 – Opisanie kirgiz-kazachih, ili kirgiz-kaisackih ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Ch. II. Istoricheskie izvestiya. SPb.: V" Tipografii Karla Krail, 1832. 334 p. [in Russian]

Materialy..., 2002 – Materialy po istoriyi Bashkortostana [Materials on the history of Bashkortostan]. T. VI. Ufa, 2002. Avt.-sost. N.F. Demidova. T. VI. Ufa, Kitap, 2002. 768 p. [in Russian]

MIB, 1936 – Materialy po istoriyi Bashkirskoi ASSR. Ch. 1. Bashkirskiye vosstaniya v XVII i pervoi polovine XVIII vv. [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part 1. Bashkir uprisings in the XVII and the first half of the XVIII centuries]. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSR, 1936. 631 p. [in Russian]

NA UFIC RAN – Nauchnyi arhiv Ufimskogo federalnogo issledovatel'skogo centra RAN [Scientific Archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences].

Pozdneev, 1991 – *Pozdneev, A.M.* (1991). Karakasal [Karakasal]. Enciklopedicheskiy slovar. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya F.A. Brokgauza – I.A. Efrona 1890 g. T. 27. «Terra». Pp. 434-435. [in Russian]

PSR – Pod styagom Rossiyi: Sbornik arhivnyih dokumentov [Under the banner of Russia: Collection of archival documents]. Moskva. 1992. 432 p. [in Russian]

RGADA – Rossiiskiy gosudarstvennyi arkhiv drevnih aktov [The Russian state archive of ancient acts].

Rychkov, 1896 – *Rychkov, P.I.* (1896). Istoriya Orenburgskaya (1730–1750) [Orenburg History (1730–1750)]. Izdanie Orenburgskago Gubernskago Statisticheskago Komiteta. Pod redakcieyi i s primechaniyami N.M. Gut'yara sekretarya Komiteta. Orenburg". 95 p. [in Russian]

Sabitov, 2014 – *Sabitov, Zh.M.* (2014). Kuchumovichi v Vostochnom Desht-i Kipchake v seredine XVII – XIX veka [Kuchumovichi in Eastern Desht-i Kipchak in the middle of the XVII – XIX century]. *Istoriya, ekonomika, i kultura srednevekovykh tyurko-tatarskih gosudarsvt Zapadnoi Sibiri: materialy II Vserossiyskoi nauchnoi konferentsiyi*. Kurganskiy gosudarstvennyi universitet, Omskiy filial Instituta arheologiyi i etnografiyi SO RAN. Kurgan, 17-18 aprelya 2014. Pp. 88-91. [in Russian]

Sulejmanov, 2013 – *Sulejmanov, B.S.* (2013). Kazahstan v sostave Rossiyi v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the 18th – early 20th centuries]. M.: Kniga po trebovaniyu, 248 p. [in Russian]

Taimasov, 2004 – *Taimasov, S.U.* (2004). K voprosu o proiskhozhdeniyi Karasakala [On the question of the origin of Karasakal]. *Vestnik Akademii nauk RB*. 4: 67-70. [in Russian]

- [Togan, 2010](#) – *Togan, A.-Z. Validi* (2010). The history of Bashkirs [The history of Bashkirs]. Ufa: Kitap, 352 p. [in Russian]
- [Ustyugov, 1947](#) – *Ustyugov, N.V.* (1947). Bashkirskoe vosstanie 1662–1664 gg. [Bashkir Uprising of 1662–1664. “Historical notes”]. Т. 24. Pp. 30–110. [in Russian]
- [Ustyugov, 1950](#) – *Ustyugov, N.V.* (1950). Bashkirskoe vosstanie 1737–1739 gg. [Bashkir Uprising of 1737–1739]. М., 156 p. [in Russian]
- [Vitevskiy, 1897](#) – *Vitevskiy, V.N.* (1897). I.I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g. [V.N. Neplyuev and the Orenburg region in its former composition before 1758]. Istoricheskaya monografiya V.N. Vitevskogo. Kazan: Tipo-Litografiya V.M. Klyuchnikova. Pp. 178–369. [in Russian]

Башкирское восстание 1735–1740 гг. Сквозь призму башкиро-казахских отношений

Рафил Рифгатович Асылгужин ^{a, *}, Ирек Фаритович Амантаев ^b, Жаксылык Муратович Сабитов ^c

^a «Научный институт изучения Улуса Джучи» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

^b ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан», Уфа, Российская Федерация

^c Атырауский Университет им. Х. Досмухамедова, Атырау, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются башкиро-казахские отношения в 30-е – 40-е гг. XVIII в. на фоне ряда взаимосвязанных событий. Развёрнутое строительство оборонительных линий и крепостей вдоль восточной и южной границ башкирской территории, дополнившее ранее возведённые на западе Старую (середина XVII в.) и Новую (начало 1730-х гг.) Закамские укрепленные линии, стало ключевым фактором, приведшим к одному из наиболее масштабных и кровопролитных вооружённых конфликтов XVIII в. – Башкирскому восстанию 1737–1742 гг., также известному как Русско-башкирская война (движение Карасакала). Башкирская знать ясно осознавала: успешная реализация задач, возложенных на Оренбургскую экспедицию, означала бы плотное кольцо военных укреплений вокруг Башкирии, превращение региона во внутреннюю провинцию Российской империи и серьёзное ограничение традиционных связей с казахами и другими соседними народами. Для башкир ситуация усугублялась также системной колонизационной политикой властей, проводимой в преддверии восстания. В ряду наиболее значимых правительственных мероприятий стали: массовое переселение в регион некоренного населения, «отчуждение башкирских вотчинных земель в пользу русских дворян, промышленников, офицеров, мишарей и других инородцев», которое было следствием указа от 11 февраля 1736 г., большое увеличение повинностей и налогов, а также экономические ограничения, включая вмешательство в традиционное природопользование, в частности право доступа к лесным ресурсам.

В статье разбираются и противоречивые сведения о роли Карасакала в восстании, дан анализ причин и обстоятельств участия казахов в указанном башкирском восстании, в частности, о пребывании в Башкортостане в 1737 г. хана Самеке и султана Барака, о контактах башкир с ханом Абулмамбетом и султаном Аблаем, о перекочёвке группы башкир в Казахстан, а также о мероприятиях царских губернаторов по использованию лояльных империи казахов в подавлении восстания.

Отдельно рассматриваются обращения башкирских повстанцев к казахским ханам с просьбой направить к ним одного из представителей династии Джучи в качестве правителя. Указанное связано с позднеордынскими практиками самоуправления родов под номинальной эгидой «хана-воспитанника». Уделяется внимание совместным действиям казахских и башкирских лидеров против царских войск и верных им отрядов башкир, а также мотивам, которые двигали казахскими ханами и предводителями башкирских повстанцев. Отмеченные события рассматриваются в контексте сложной внешнеполитической обстановки той эпохи.

Ключевые слова: Башкирские восстания, башкиры, казахи, каракалпаки, калмыки, Оренбургская экспедиция, Карасакал, миграция, ханы-джучиды.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: asrafil@yandex.ru (Р.Р. Асылгужин), amantajo8@mail.ru (И.Ф. Амантаев) zh.sabitov@gmail.com (Ж.М. Сабитов)